

УДК 001.891:003.314:81-2:39

DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-3-189-209

EDN: ZXFKXO

Научная статья

Дешифровка надписи сосуда № 2 из кургана Ошад майкопской культуры

А. К. Вороков

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
360010, Россия, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2

Аннотация. Серебряный сосуд № 2 из кургана Ошад майкопской культуры (IV тыс. до н.э.) посвящен культу сияющего бога-покровителя Тха. Информация, заключенная в его пиктограммах, не выходит за пределы сакрального нарратива и в отличие от разноплановых текстов сосуда № 1 укладывается в одном предложении. Актуальность темы обусловлена необходимостью проведения комплексного и всестороннего исследования ряда древнейших эпиграфических памятников Северного Кавказа на предмет установления их подлинной семантики и этимологии. Основная цель – дешифровка надписи посредством диалектов адыгского языка, родственного хаттскому (раннему). Главные задачи: 1. Провести обстоятельный анализ пиктограмм, их фрагментов и сочетаний на базе адыгской терминологии с учетом грамматического строя языка (морфологии, синтаксиса, орфографии); 2. Воссоздать релевантные лексические и звуковые элементы с последующей пошаговой лингвистической и семантической реконструкцией нарратива; 3. Соотнести полученные результаты с многоотраслевыми разносторонними научными данными, мифологией. Исследование проводится на основе принципа историзма, в рамках междисциплинарного подхода с использованием лингвистической компаративистики, ретроспективного, глоттохронологического и других вспомогательных и сопутствующих методов. Впервые принимается в расчет символ бога Тха – основополагающая пиктограмма в стилизованном, узорчатом оформлении, которая расценивалась в научном сообществе как орнаментальный образ древа жизни, цветка или водоема. В этнолингвистическом аспекте надпись идентифицирована хатто-адыгской и представляет основанный на пиктографических образах особый вид письма, функционировавший на ранних этапах эволюции архаичной письменности. Для наглядности и более доходчивого восприятия некоторые языковые единицы выделены или приводятся в кириллической транскрипции.

Ключевые слова: хатто-адыго-абхазский язык, синкретический стиль письма, эклектичные образы, ключевая пиктограмма, культ священного бога Тха, солярный и лунный аспекты, крест – древнейший символ Тха

Поступила 24.04.2025, одобрена после рецензирования 13.05.2025, принята к публикации 03.06.2025

Для цитирования. Вороков А. К. Дешифровка надписи сосуда № 2 из кургана Ошад майкопской культуры // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27. № 3. С. 189–209. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-3-189-209

Original article

Deciphering the inscription of vessel No. 2 from the Oshad mound of the Maikop culture

A.K. Vorokov

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360010, Russia, Nalchik, 2 Balkarov street

Abstract. Silver vessel No. 2 of the Oshad kurgan of the Maikop culture (IV millennium BC) is dedicated to the cult of the shining patron god Tha. The information contained in its pictograms does not go beyond the sacral narrative and, unlike the diverse texts of vessel No. 1, is arranged in a single sentence. The relevance of the topic is conditioned by the necessity to conduct a complex and comprehensive study of a number of the ancient epigraphic monuments of the North Caucasus in order to establish their true semantics and etymology. The main goal is to decipher the inscription by means of dialects of the Adyghe language, related to the Khatt (early) language. Main tasks: 1. To carry out a detailed analysis of pictograms, their fragments and combinations on the basis of Adyghe terminology taking into account the grammatical structure of the language (morphology, syntax, orthography); 2. To reconstruct relevant lexical and sound elements followed by step-by-step linguistic and semantic reconstruction of the narrative; 3. To correlate the results obtained with multidisciplinary multifaceted scientific data, and mythology. The research is conducted on the basis of the principle of historicism, within the framework of an interdisciplinary approach using linguistic comparativism, retrospective, glottochronological and other related methods. For the first time, the symbol of the god Tha is taken into account – a fundamental, key pictogram in a stylized, patterned design – which was regarded in the scientific community as an ornamental image of a tree of life, a flower or a pond. From an ethnolinguistic perspective, the inscription is identified as Khato-Adyghe and is classified as a special type of verbal-syllabic writing based on pictographic images. It has signs of ideography and is considered to be one of the important stages in the evolution of archaic writing. Some language units are highlighted or given in Cyrillic transcription for clarity and easier comprehension.

Keywords: Khato-adygo is the Abkhaz language, syncretic writing style, eclectic images, key pictogram, the cult of the sacred god Tha, solar and lunar aspects, the cross as the oldest symbol of Tha

Submitted 24.04.2025,

approved after reviewing 13.05.2025,

accepted for publication 03.06.2025

For citation. Vorokov A.K. Deciphering the inscription of vessel No. 2 from the Oshad mound of the Maikop culture. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2025. Vol. 27. No. 3. Pp. 189–209. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-3-189-209

ВВЕДЕНИЕ

Сосуд № 2 («с розеткой») имеет близкую, но не идентичную форму с сосудом № 1 («с пейзажем»), вместе с тем он тоже напоминает шарообразную крынку (рис. 1). На нем не прослежены следы разметки «острым орудием», как на первом сосуде [1, с. 88], что не исключает ее нанесение красящим веществом, остатки которого впоследствии могли быть легко удалены.

Рис. 1. Серебряный сосуд № 2 из кургана Ошад майкопской культуры IV тыс. до н.э.
Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Fig. 1. Silver vessel No. 2 from the Oshad mound of the Maikop culture IV thousand BC.
The State Hermitage Museum. Saint-Petersburg

Авторитетные ученые [2, с. 231] Е. И. Крупнов, А. Я. Федоров, Б. Х. Бгажноков, Б. М. Кереев, Н. Г. Ловпаче, Э. А. Шеуджен, С. Х. Хотко, Е. П. Алексеева, Р. Ж. Бетрозов, А. Ш. Бакиев, В. И. Марковин, Р. З. Куадже, Л. А. Асланова и др. считают создателями и носителями майкопской культуры древних адыгов – близких родственников хаттов. Б. Х. Бгажноков не исключает, что Западный и Северный Кавказ были центрами хатто-абхазо-адыгского единства, «своего рода метрополией некоторых древних языков и культур Передней Азии и даже Индии» [3, с. 11], и «повествует, – как указывает А. М. Шазо – о длительном пребывании на территории Междуречья прачеркесских правящих элит, поддерживавших постоянную связь с метрополией на Северном Кавказе как в период расцвета бронзового века, так и после его трагического конца» [4, с. 91]. Речь идет о центре процветающего раннего имперского образования протоадыгов, что подтверждается дешифровками надписей сосуда № 1, где назван первый император из известных в мировой истории – Уар Хатти из рода Шыпш [2, с. 239–243].

А. В. Сивер приводит цитаты из статьи Р. З. Куадже (Анты – это адыги. 1993), который прямо и открыто называет адыгов «редчайшей и самой древнейшей нацией мира» [5, с. 6].

Актуальные выводы ученых о том, что адыго-абхазы сохранили «основной словарный фонд с эпохи бронзы», проливают свет на общность древней и современной бытовой лексики, религиозной, животноводческой и пр. терминологии, с чем согласуются и результаты проведенного исследования. Эти выводы поддерживает Л. И. Лавров [6, с. 196], опираясь на лингвистический анализ топонимов и этнонимов Западного Кавказа, известных с древних времен.

Давая оценку адыго-абхазским языкам в контексте выдающихся отечественных и зарубежных лингвистов, А. П. Тихонова резюмирует: «Исключительная архаичность строя абхазо-адыгской речи, представляющей, будто бы реликтовый остаток древней речи человечества чуть ли не дородовой эпохи, как отмечал Н. Я. Марр, ссылаясь на Ж. Гиннекена, позволяет использовать абхазо-адыгские языки для восстановления праязыка» [7 с. 75; 8].

Древние мастера формировали надписи на сосудах посредством одних и тех же приемов и способов [2] с учетом хатто-адыгских грамматических и синтаксических моделей, и поэтому они выводятся с применением общей методики и алгоритмов, отражая устную речь по правилам адыгской грамматики. При этом следует учитывать, что буква «э» в современной адыг. орфографии передает краткий звук «а»; буква «ы» в словах фактически не произносится, но обозначает неясный звук, в иных отношениях исторически преобразованный (по Г. Ф. Турчанинову) из звука «а» [9, с. 72, 74]. Поэтому с учетом «поправок на древность», в связи с эволюцией отдельных слов в свете исторической ономастики и погрешностей современной орфографии здесь целесообразно произносить хатто-адыг. арх. форму *пса* вместо *псы* – «река, вода» (ср. адыг.: *зы* и *занэ* (один), *зэ/за* (один раз), убых.: *зэ/за* (один), абаз.: *зак/ы* (один) и т.п.), что находит отражение в ряде современных и древних адыг. гидронимах: *Псахо*, *Псакупс*, *Псат*, *Псафия*, *Псахансия*, *Арунса*, *Ансара*, *Лагумпса*, *Сунса* и др.

Из названий образов, фрагментов, их деталей (хвост, мимика, оскал и др.) извлекаются уместные омонимы, синонимы, созвучные слова (*бзу* – «птица», *бзэ* – «язык» и др.), которые упорядочиваются и обогащают предложение разнообразием дополнительных характеристик как очередными прочтениями, так и порознь, полисемичными значениями и коннотациями. Протянутой или поднятой лапой животных автор привлекает названия частей тела (нога, лапа) или действий, которые они совершают (удар, хватание, соприкосновение и др.) в значении слов-омонимов или как фонетико-фонологические единицы (слоги, фонемы). Их односложные названия и сочетания: *к/э* (хвост), *лэ/лэанэ* (нога/лапа), действия *уа* (удар) и др. озвучивают силлабоморфемы и аффиксы, формируя в плане лексической и грамматической парадигмы разнообразие дериватов, производных лексем. Предваряя слоговое и алфавитное письмо, отдельные понятия воссоздаются компонентами, вычлененными непосредственно из названий конкретных объектов (*аж* из *ажэ/ажэ* – «козел», *пс/пса* из *пс(ы)-хэуэ* – «цапля» и пр.), что свойственно и др.-егип. иероглифике (Ж.-Ф. Шампольон. Очерк иероглифической

системы древних египтян. 1824). Иные синтезированные, визуально-вербальные образы раскладываются, озвучивая отдельные члены предложения. Древние мастера прибегают к деформации фрагментов (вытянутая морда/нос/глаз/зрачок хищников), к приемам гиперболизации (размеры, форма головы и носа у хищной птицы) для привлечения новых понятий и сведений. В связи с этим Ю. Ю. Пиотровский, ссылаясь на Б. Е. Дегена, замечает: «Другие видят «деформацию реальных пропорций – как результат далеко зашедшей стилизации» [1]. Характерные позы, пикантные особенности и черты персонажей расценивают как сюжетные изображения майкопского звериного стиля. Между тем эти нюансы передают составные элементы композитов древнего письма. По справедливому замечанию В. А. Истрина, пиктографические надписи разгадываются с трудом, подобно ребусам [10, с. 47].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В исследованиях надписей обоих сосудов Г. Ф. Турчанинов обходит стороной адыгский язык, что сказалось негативно на их результатах [9]. При этом некоторые его заделы явились важным подспорьем для дальнейших проработок в разрешении отдельных тематических вопросов. Подводя итог своим трактовкам надписи сосуда № 2, он пишет: «Итак, фонетизированная силлабо-пикто-грамма на втором серебряном майкопском сосуде звучала в целом примерно так: **цса (м. б. цс'а) бДь-)аб. ЦсазагХэа (м. б. цс'азаг1ва) цв (и)бгаб** – “царской души вместилище есть. Душе вора род проклянет”» [9, с. 89].

Спорным в исследовании ученого является следующее: 1. Не учитываются ключевой символ, занимающий все днище сосуда, и круговая, «стрелочная» пиктограмма под его шейкой; надпись считывается с произвольного образа [9, с. 86]. 2. Пропущены хищники как «табуированные», имя которых «нельзя называть» [9, с. 86–88], однако не случайно показаны передающие в адыг. омонимах сияющий ореол святости: шейная цепочка (**пицэпс/пицэпс**) хищников (**ха**), вытянутые (**ицэя**) лицевая часть (**нанэ**), глаз/веко (**нэ/нан1э**), нос (**нэ**), протянутая лапа (**лэапэ ицэя**), передняя ведущая нога (**лээ пайцэ**). 3. Фрагмент на спине быка ошибочно расценивается «заштрихованной выемкой» или «заштрихованной впадиной», изображающей «профиль пруда» [9, с. 86, 89], когда в действительности это позвоночник **тхы/тхыца** (позвоночник, спина), структурно выделенный на спине быка (рис. 2) с тем, чтобы омонимом озвучивать корневую основу слова «писать» – **тхы**, понятие **тхыца** (писаное имя) и др.

Рис. 2. Сосуд № 2, на спине быка выделен позвоночник.
Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Fig. 2. Vessel No. 2, on the back of the bull the spine is highlighted.
The State Hermitage Museum. Saint-Petersburg

Упрощенный вариант адыг. интерпретации (с пропусками и порядком считываний образов по Г. Ф. Турчанинову) гласит: *Тха псалъэжъ, бзый цIу тхыкIэуэ (къы)гъажа* – «Старинное слово Тха отчеканено/вырезано лучами в блестящей манере письма». Выведенный по лекалам и подходам Г. Ф. Турчанинова этот вариант, хотя и не утрачивает суть контента, его нельзя признать полноценным, без привлечения ключевой пиктограммы, занимающей всю сферическую поверхность основания сосуда и символизирующей главного, высокопочитаемого, светоносного бога Тха.

Всесторонность и полнота исследования предполагают исходить из двух концептуальных подходов, двух вариантов интерпретаций, смежных и диалектически взаимосвязанных. В алфавитном письме, даже с появлением возможности дословно считывать сообщения, в иных случаях тоже требуются пояснения, простые примеры: «Рисунок изображает хребет» (позвоночник, спину или горную цепь?); «Отражаются лучи небесного светила» (какого?).

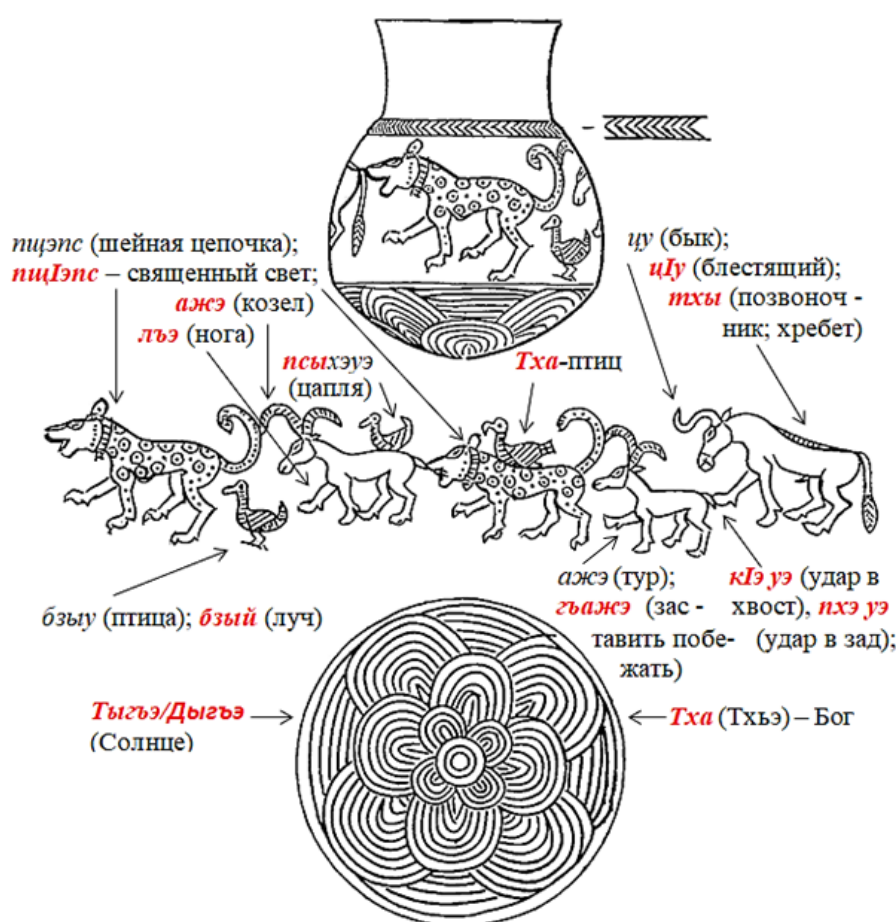
Подобная дилемма здесь обусловлена неоднозначностью семантики орнаментально декорированного лучами и фестонами креста, вписанного в круг в основании сосуда, на фоне концентрических окружностей. В современной семиотике крест внутри круга – это и дорожный знак, и символ Вселенной, движения, единения пространства и времени, и др. В древности этот знак означал как Бога Тха/Та, Творца Вселенной, Мироздание, так и небесные светила, божественное око, глаз, а также четыре стороны света, четыре времени года, колесо, колесницу и др. По разным сведениям, кромлехи древних курганов могут символизировать Солнце, Луну или форму Космоса (Вселенной). В различные эпохи и в зависимости от географии расселения племен акценты в расстановке приоритетных культов и божеств варьировали [2, с. 246]. В плане сакрального в представлении древних семантика этого знака в широком смысле означала универсального, Вселенского Бога, сияющего лучами небесных тел, соотносимых с ним как части к целому. Имеются указания, что в некоторых поверьях древних народов, в том числе славян, солнце и луна рассматривались как часть мирового древа, а само солнце понималось как лицо (адыг.: *напэ*) или око (*нэ*) Бога (*Тха*), как «окно, через которое Бог смотрит на Землю». Л. А. Асланова подчеркивает, «что крестом обозначалось и Мировое древо, или Золотое Древо Нартов, упоминаемое в адыгском фольклоре» [11, с. 42]. Отмечая, что в орнаменте протоадыгосолнцепоклонников «доминируют такие «солярные» символы, как круг, крест, крест в круге, концентрические окружности, свастика, роговидный завиток» и «напрямую с ними связаны стилизованные изображения луны, звезд, а также символов плодородия – голов и рогов животных (барана, козла, оленя, быка)», она поясняет: «Мотив древа жизни выступает как ось симметрии, объединяющая вокруг себя орнаментальные элементы, означающие небесные светила, землю и ее обитателей» [11, с. 39, 42]. При этом Бог-Творец Тха олицетворяет основу – квинтэссенцию этого мифологического архетипа, всего Мироздания, как движущая, животворящая, духовная сила.

Тха встречается в древнеегипетских, авестийских, древнегерманских, кельтских, тайских, древнесемитских теофорных именах, а сегодня в странах Южной и Юго-Восточной Азии, в т.ч. и в составных названиях многочисленных святилищ. «Если теоним «Тха» в старинных памятниках Европы, Африки, Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии встречается не так часто, – замечает Тенгиз Адыгов (М.Х. Маржохов), – то на санскрите, наречиях Тибета, Индии, Непала и других мест его употребление носит чуть ли не массовый характер» (Т. Адыгов. Слог священного санскрита. 2015). Примечательно, что в Лаврентьевской летописи Средневековья, а также в древнерусской берестяной грамоте № 692 начала 15 века и др. неоднократно упоминается богословская фраза: «**во и́мѧ о́цѧ и' снѧ и' сѣ́гѧв дѣа**» – «во имя Отца и Сына и Святого Дха», где *Дха* (впоследствии преобразованное в *Духа*) сопоставимо с хатто-адыг. *Тха*, *Тух(а)*, как и арабское *Дуа*, *Духа* (молитва, мольба, обращение к Всевышнему) или касситское *ХуДха* – адыг.: «Бог Света».

Любопытно, что крест как знак унаследован и распространен преимущественно в христианской Европе, а термин Тха – в Азии. Однако этот символ, в т.ч. Т-образный, и как денотат, и как концепт сакрального Тха до последнего времени удалось сохранить на Кавказе только черкесам (адыгам).

По одной версии, бог Тха предстает в свете сияющих солнечных лучей, а по другой – в синкретическом солнечно-лунном сиянии (дневного и ночного света). Первая концепция исходит из того, что основная пиктограмма изображает сияющее Солнце, которое в эпоху солнце- и огнепоклонничества, в анимистических воззрениях древних с элементами язычества предстает как небесное око верховного бога Тха и даже ассоциировалось, отождествлялось с ним; форма сосуда напоминает глазное яблоко. «Вполне возможно, – пишет А. Т. Шортанов, – что адыги в свое время отождествляли Тха с солнцем, луной и небом, как это было, например, у германцев Цезаря...» [12, с. 25].

В первой, краткой версии визуальные образы в адыг. номинациях предстают следующими названиями (рис. 3): **Тыгъэ/Дыгъэ** (солнце); **бзыу** (птица); **пицэпс** (шейная цепочка);

Рис. 3. Прорисовка пиктограмм и фрагментов сосуда № 2 (по Ю. Ю. Пиотровскому) с их адыг. названиями

Fig. 3. Drawing pictograms and fragments of vessel No. 2 (according to Yu.Yu. Piotrovsky) with their adyghe names

цу (бык); **тхы** (позвоночник); **кцэуэ** (удар в хвост); **ажэ/ажэ** (козел/тур); **Тха-птиц** (божественная птица адыг. и нарт. мифологии); **пицэпс** (шейная цепочка); **псыхэуэ** (цапля), **псынэкъуау** (журавль), **псыхау** (аист), **псыкцэуэ** (чайка), пеликан – **псым тесрэ бзыуихо пэкцыхэуэ лэпкэ** (большая водоплавающая птица с длинным/массивным клювом и большим кожаным мешком под ним); **лэу** (нога); **ажэ** (козел); **Тха** (бог). Из этих слов и в той же по-

следовательности извлекаются выделенные омонимы и слоги (рис. 3), озвучивающие предложение: *Тыгъэ/Дыгъэ бзый пицлэпс цлу тхыклэуэ, гъажа Тхъэ пицлэпс псалъэжъ – Тха* – «Написанное в блеске лучей почтенного солнечного света/сияния, отчеканено священного, сияющего Тха (бога) старинное слово – Тха». Понятие *тхыклэуэ* (стилем письма; писанием) может дублироваться выводимым адыг. *тхыпхъэуэ* (рис. 3) – «узором/орнаментом/знаком» (абаз.: *тхыпха* – «узор») с сохранением общего смысла: *Тыгъэ/Дыгъэ бзый пицлэпс цлу тхыпхъэуэ гъажа Тхъэ пицлэпс псалъэжъ – Тха* – «В блестящем узоре сияющих лучей почтенного Солнца отчеканено сияющего, священного Тха старинное слово – Тха». Бог *Тха* и диал. *Тыгъэ/Дыгъэ* (Солнце) обозначены главным символом в виде розетки, занимающей всю поверхность основания сосуда. Слово *бзый/бзий* (луч; языки пламени; узкий лист) выводится омонимом из *бзыу* (птица). *Пицлэпс* (почтенный свет/сияние) – выводится омонимом слова *пицэпс* (шейная цепочка), где *пицэ/пишэ* – «шея», *пицлэ* – «честь, почет» [13, с. 565], *пс* – «свет»; кроме того, с *пицэху* (ошейник) соотносится *пиэху* (рассеивающийся свет), с *пицэп(ы)ль* (висящий на шее) – *пиэпль* (заря). *Цлу* (блестящий, лоснящийся) – омоним слова *цу* (бык) [14, с. 307], абх.: – *ацэ* [15, с. 96]. Понятие *тхыклэуэ* (написанием) образуется соединением слова *тхы* (позвоночник, спина), озвучивающего корень слова «писать» и *клэуэ* (удар в хвост), где *клэ* (хвост), *уэ* (удар) – показатель обстоятельства образа действия. Бык демонстрирует удар ногой в хвост (*клэ уэ*), в заднюю часть (*пхэ уэ*) козла/тура (*ажа*), что «заставляет его бежать» – *гъажа* (омоним – «отчеканено» [13, с. 765]), где *гъа* – показатель каузатива к *жан* – «бежать», о чем свидетельствует и высоко поднятая передняя нога козла. Придавленный его хвост (рис. 2, 3) – следствие удара ногой, а не простое прикосновение. Понятие *Тха* (бог) выделено из составного теонима *Тха-птиц* – божественная, хищная птица древней адыгской и нартской мифологии (ср. *тхачэт* – «индейка» и др.). Она ассоциируется с образом Богини-матери на скульптурке из Чатал-Гуюк (Анатолия (VIII-VI тыс. до н.э.) – исторический регион хаттов), восседающей, словно на троне, между двумя тотемными, культовыми животными, и с аналогичными изображениями хурритской богини Хепат из Хеттского царства (II тыс. до н.э.). Эту птицу Г. Ф. Турчанинов обозначил многозначным в хатто-адыго-абхазском языке словом *ха* – синонимом *Тха* – «бог» [7, с. 76; 13, с. 283, 446; 16, с. 291]. Повторное *пицлэпс* (почтенный свет/сияние) выводится вышеприведенным способом. *Псалъэжъ* (древнее слово) озвучивается соединением префиксов *пса*, *лъэ*, *ажа*, вычлененных, соответственно, из адыг. названий упомянутых водоплавающих птиц, напр., цапли (*пс(ы)хэуэ*), приподнятой ноги (*лъэ/лъа*) козла и самого козла (*ажа*). Форма и размер клюва у изображенной птицы и у вышеназванных водоплавающих видов аналогичны (рис. 4). Теоним *Тха* (бог) озвучивает ключевая пиктограмма повторным прочтением в конце предложения.

Рис. 4. Форма и размеры клюва изображены характерными как для сидящей крупной водоплавающей птицы, так и стоящей утки

Fig. 4. The shape and size of the beak are depicted as characteristic of both a sitting large waterfowl and a standing duck

Текст считывается по ходу «шествия» животных, неразрывно связанных подобно звеньям одной замкнутой цепи, описывая окружность по периметру основной пиктограммы. В горизонтальной проекции сосуда это отражает круговорот, коловорот, цикличность и бесконечность космологических процессов. Такая «спаянность» предполагает чтение надписи с основной пиктограммы, с переходом к отдельно стоящей на поверхности птице – утке, которая приходится на разрыв, водораздел между началом и концом вереницы и чтения. Кроме того, в силу полисинтетических свойств языка [2, с. 241] такая связь может предполагать считывание надписи одним цельным словом в соответствующих интонациях. Этому способствует гибкость адыгского языка, в котором функцию союзов и предлогов могут выполнять аффиксы, послелоги.

Примечательно, что название хаттского божества *Aštan/Ištan* переводится с адыго-абхазских языков букв. как «горящее око бога/отца», а *Tabarna* – «око большого отца» [7, с. 76], указывая на божественные небесные светила как на неотъемлемую, органическую часть бога Тха/Та, его сияющий атрибут.

В свете компаративной мифологии и палеографического анализа второй вариант интерпретации исходит из того, что, ключевая пиктограмма символизирует *Тха*, лучезарность которого проявляется синкретически – в солнечно-лунном свете. В основе тезиса черкесских князей (как и их герба), утверждавших, что они солнечно-лунного происхождения, как считает Б. Х. Бгажноков, лежит солнечный круг. В продолжение этой мысли он констатирует: «В самом деле, такое же «солнечно-лунное» обоснование находит божественный титул и статус хеттских царей на широко известных рельефах Центральной Анатолии, где солнечный диск с лунной помещен в центре широко расправленных крыльев могучей птицы, скорее всего, орла с изображением луны и солнца вместо головы» [3, с. 7, 8]. В верованиях адыгов, как сообщает А. Т. Шортанов, Тха или Тхашхо (Великий Бог) создал не только землю, но и солнце и звезды; вместе с тем адыги «признавали Солнце братом, а Луну сестрой» [12, с. 25, 30]. Указывая на постоянное присутствие синкретизма в адыгской среде и традициях, С. Т. Чамокова со ссылкой на цитату А. Т. Шортанова поясняет: «В адыгейском языке существуют клятвы: Тхьэуэ мыр зи тыгъэ (клянусь богом, создателем этого Солнца), тхьэуэ мыр зи мазэ (клянусь богом, создателем этой Луны)» (17, с. 48, 50). Подобные клятвы широко встречаются не только у адыгов, абазин и абхазов, но и у ингушей, чеченцев (чеч.: «цу малхор» (клянусь солнцем), «цу баттор» (клянусь луной)), балкарцев, карачаевцев, осетин, а также аварцев, лакцев, даргинцев, лезгин, ногайцев, кумыков (Р. И. Сефербеков. 2007) и др.

Многочисленные штампованные золотые бляшки львов (символ солнца) и кратко уступающие им по количеству серебряные бляшки и фигурки бычков (символ плодородия и луны) из кургана Ошад свидетельствуют о том, что представители майкопской культуры наряду с Солнцем чтит и Луну. В связи с этим Ю. Ю. Пиотровский пишет: «По мнению М. В. Андреевой, рисунки связаны с космологическими представлениями, о чем свидетельствуют сочетание процессии животных с розеткой на сосудах и изображение полумесяца на рогах у быков» [1]. Во фронтальном разрезе контуры сосуда очерчивают конфигурацию рогов быка с выпуклой розеткой в основании.

В архаичные времена древние шумеры, египтяне, ассирийцы, греки и др. дифференцировали верховного бога и небесные светила (солнце, луну). Например, божества др.-месопотамского пантеона представляли: Ашшур – главный бог; Син – бог Луны, отец бога Солнца – Шамаша; Адад – бог грозы и сильного ветра (ср. абх.: Адыд – «гром/гроза» [15, с. 293, 294]). Хотя в отдельных случаях Солнце сливалось с главным божеством, в большинстве древних артефактов образ солнца сочетается с луной или с бычьими рогами – символом плодородия и луны или в виде креста с полумесяцем (рис. 5).

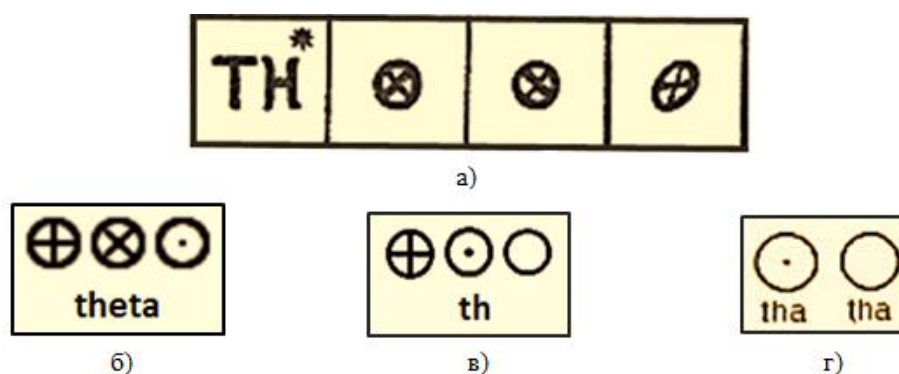

Рис. 5. Солярно-лунная символика в артефактах: а) фрагмент Т-образной стелы святилищ Гёбекли-Тепе (Турция, X–VIII тыс. до н.э.); б) тарелка с «мальтийским» крестом. Халафская культура (VI тыс. до н.э.); в) тертерейская табличка культуры Винча (VI тыс. до н.э.) с изображением полумесяца и креста в нижнем левом секторе; г) сосуд Триполья (VI тыс. до н.э.); д) хаттский солнечный диск (V тыс. до н.э.); е) фигурка золотого бычка из кургана Ошад (IV тыс. до н.э.); ж) голова египетской богини Мехурт (II тыс. до н.э.); з) египетская богиня Хатхор (II тыс. до н.э.); и) божество на троне под небесными светилами. Касситский период (II тыс. до н.э.); к) перстень египетского фараона Тутанхамона (II тыс. до н.э.)

Fig. 5. Solar-lunar symbolism in artifacts: а) a fragment of the T-shaped stele of the Gobekli Tepe sanctuaries (Turkey, X–VIII millennium BC); б) a plate with a "Malaysian" cross. The Khalaf culture (VI millennium BC); в) the Terterian tablet of the Vinci culture (VI millennium BC) with the image of a crescent and a cross in the lower left sector; г) the vessel of Tripoli (VI millennium BC); д) the Hattian solar disk (V millennium BC); е) a figurine of a golden bull from the Oshad mound (IV thousand BC); ж) the head of the Egyptian goddess Mehurt (II BC); з) The Egyptian goddess Hathor (II thousand BC); и) a deity on a throne under the heavenly bodies. Kassite period (II BC); к) the ring of the Egyptian Pharaoh Tutankhamun (II BC)

Аналогично образу водоема на днище сосуда № 1, который расценивается как Черное, так и Каспийское море (по Б. В. Фармаковскому) или общий «мировой океан» (по С. Н. Кореневскому), пиктограмма в основании сосуда № 2 может синкретически отображать сияющего бога Тха в солнечно-лунном свете.

Методами иконографического и акрофонического сопоставлений обнаруживается графическая, фонетическая и семантическая взаимосвязь адыгского теонима Тха/Tha в названии ключевой пиктограммы с аналогичными символами, обозначенными как Th*/Tha в нижеперечисленных древних системах письма. На рис. 6 приведены соответствующие буквосочетанию Th* (Тх*) арх. латинские, греческие, финикийские, этрусские буквы в виде крестов и точек внутри круга; знак слогового письма Брахми в виде окружности с точкой в центре в значении Tha (Тха); др.-греческие аналоги под названием «тхета» – $\theta\eta\tau\alpha$ *thêta* [tʰɛːta]. При этом бог по др.-гречески назывался «тхеос» – $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ *theos*.

Рис. 6. Адыгские названия букв и слогов в соответствующих графемах/символах:
а) арх. латинского, греческого и финикийского алфавитов; б) др.-греческого алфавита;
в) этрусского алфавита; г) др.-индийского слогового письма Брахми

Fig. 6. Adyghe names of letters and syllables in the corresponding graphemes/symbols:
a) arch. Latin, Greek and Phoenician alphabets; b) other-the Greek alphabet;
c) the Etruscan alphabet; d) other-Indian syllabic Brahmi script

Второй – подробный, развернутый вариант гласит: *Тхаба бзый пиэпс пиццэ зицэ ха-напакцэ, лъапкъ лъапцэ тхыццэ тетхыццэуэ, цлу тхыццэ-тхыпхэуэ (кы)гъажа ажауэццэ: кьошын ццэгъым бгъуэ, ору зиубгъу; кьошыны пицэм ди жын нэху нур пицэ зицэ пиэпс пиэццэ дуней хъурейгъу кыкццэуэ; (кы)блэуэ дыгъэ-мазэ пицэ зыхуаццэ пиэпс ханапакцэ, кыц-хаба-дзасэ лъапкъ лъапцэ бзэ псалъэжэ жаакцэ – Тха – «Тха могучего/вездесущего, множеством лучей, разливающегося сиянием в священном образе/лике, самое дорогое в народе писаное имя, скопированное в блеске узорного знака/письма, отчеканено выбиванием по серебру: на днище кувшина (крынки) широко стелящимися волнами; на шейке сосуда, нашим светлым джинном/духом, разливающимся сиянием священного ореола, движущегося (циркулирующего) вселенским круговоротом; в свете почтенного солнечно-лунного, разливающегося сиянием, лика (образа, иконы), самым дорогим, народным в касско-хабадзасском языке говоримым (употребляемым) старинным словом – Тха». В этой расширенной, исчерпывающей полноты версии привлекается ряд слов и понятий, которые предусмотрены древним автором и на равных началах могут считываться с образов как самостоятельно, так и чередуясь. Так, стоящая на земле «птица», адыг. – *бзыу/бзу* (шум. – *зу*), по всем признакам еще и утка *бабыц* (рис. 4); из них извлекаются омоним и слог, озвучивая в ряду со всеохватывающей пиктограммой *Тха*, словосочетание... *Тха ба бзый*... – «...Тха могучего/множества лучей... . Название *бабыц* (утка) обнаруживает сходство только у народов Северного Кавказа: адыг.: *бабыц*; абаз.: *бабыц*; чеч. – *бад*; осет.: *бабыз*; ингуш.: *боабаик*; карачаево-балк.: *бабуш*; ногой.:*

бапий; дарг.: *бятI*; кумык. – *бабиш* и др., что говорит о древности коренной основы и единой этимологии этого слова. Из *бабыш* (утка) извлекается префикс-слово *ба* в значении «много, масса, множество», как и у хаттов [13, с. 385; 7, с. 76], в коннотации «могучий, вездесущий, всеобъемлющий». Сложное слово *пицэпс* (шейная цепочка) генерирует не только созвучное понятие *пицIэпс* (почтенный свет), где *пицIэ* – «почет; уважение», абх. *ацшъа*, *ицшъоу* – «святой, священный», *пс(ы)* – «сияние/свет» или показатель превосходной степени, но и озвучивается омонимом *пишэпс* – «разливающийся, распространяющийся, рассеивающийся свет/сияние»; а вместе с очевидным *пицIэхэлъын* (быть надетым на шею), из которого выводится понятие *пицIэ зыхэлъ/зиIэ/зыхуащI* [13, с. 566] – «почтенный/священный», образует сочетание *пишэпс пицIэ зиIэ/зыхуащI* (разливающийся светом почтенный/святой). Замечено, что адыг. корень *пишэ/пиша* присутствует в слове *пишэн* (раздуваться; расползаться) и в названиях объектов и явлений природы с текучими – арх. *пиша/псы* (вода); рассеивающимися – *пишэ* (туча, облако), *пишагъуэ* (туман); сыпучими – *пишахъо* (песок); излучающими свет – *пишаплъ* (заря); распространяющимися – *пишапэ* (сумерки) и т.п. свойствами. Очевидное *ха напа*, *лъапкъ*, *лъапэ цэя* (хищника лицо, когти, лапа вытянутые) озвучивает сочетание: *ханана*, *лъапкъ лъапIащэ* – «икона/лик, в народе самое дорогое». Хатто-адыг. *ха (ha)* в слове *ханана/тханана* (*хъэнапэ* = *тхъэнапэ* [16, с. 291]) – «икона, образ», означает и голову, и собаку, и божество, являясь префиксом в названиях хищных животных (барса, леопарда и др.). В словоформе *хананапIэ* (ликом) твор. падеж озвучивает суффикс *кIэ* – «хвост» (быка), к которому притянута голова хищника; альтернатива – *тха/хананауэ*, где суффикс *уэ* озвучивает «толчок» (*уэ*) пастью хищника (рис. 1). Понятие *тхъэнапэ* (божий образ) часто связывают с христианством, но составляющие этого слова: *тхъэ* (бог) и *напэ* (лицо, лик) [18, с. 122] бытовали задолго до н.э. Наряду с *тхъэнапэуэ* или вместо него уместны выводимые омонимы: *нэ пIащэуэ* (большим оком) из *нэ п(I)э цэяуэ* (вытянутым лицом/носом/глазом/веком); *нэцэнэуэ* (символом) из *нэцэ нэуэ* (косым глазом). Одинаково выводится уместный в обоих сосудах омоним *лъапкъ* (род, племя, народ), извлекаемый из воссозданного слова *лъапкъ* (коготь), выдвинутых когтей хищников, по аналогии с *дзэпкъ* (клык), *жэпкъ* (подбородок) [2, с. 240]; возможно, что и арх. *папкъ/пакъу* означало «клюв», где *па* – «нос», *къ/къу/пкъ* – «твердыня, ручка, вырост» – общий компонент в названных словах, как и буква «к» в русс.: «клюв», «коготь», «клык» (ср. «кость» – *къутицхэ*; «кадык» – *къыдэк-Iа* – «горб», букв. выступающий; «копчик» – *кIэпкъ* и т.п.). *ЛъапIащэ/лъапIэщэ* (очень дорогой, священный, образуется от созвучных *лъэ пащэ*, *лъапэ цэ* (распрямленная передняя нога; вытянутая лапа), а также сочленением *лъэ* – «нога» (вытянутая у хищника) с *пащэ* (вытянутый нос) или полным омонимом *лъэ пIащэ* (крупная нога), где *цэ* означает «очень» (ср. русс. *дорогуша*, *силище*, *красотища*, *Любаша* и т.п.). Понятия *лъапIащэ*, *лъапкъ* и ряд других уместных по контексту слов в обоих сосудах воссоздаются по одним правилам, подтверждая верность трактовок методом перекрестных чтений. Слово *тхыцIэ* (писаное имя; *тхыбзэ* – «письменный язык») выводится полным омонимом из названий: «спина; позвоночник» – *тхыцIэ* [13, с. 685]. *ТетхыкIэуэ* – «списанное, скопированное» (имя) озвучивается соединением очевидных: *тет* (хатт.: *tet* [14, с. 309]) – «находится на..» [18, с. 124] (на спине быка), *тхы* (позвоночник) и *кIэуэ* (удар в хвост). С *тетхыкIэуэ* соотносится альтернативное *хэтхыкIэуэ* (выписанное, гравированное), где *хэт* означает «включенный в состав чего-л.» (спины быка) [14, с. 383.] или *бгъурытхауэ* (надписанное с боку, снаружи), где *бгъу* созвучно с синонимом быка – *б(ы)гъу*. Понятия *Цу тхыкIэ-тхыпхъэуэ* (в блеске узорного знака/письма) и *(къы)гъажа* – «(от)чеканено» выводятся прежними способами. *АжауэкIэ* – «выбиванием по серебру» (ср. абх.: *ажьыра* (кузница), *ажьахъа* (молоток) [15, с. 671, 779]), где *ажа* (серебро; син. – *дыжын*) воссоздается из *Iэжбыж* (устар. – комплект серебр. украшений на муж. поясе), где *Iэж* (*аж*) мо-

жет означать только «серебро», выводимое из созвучного *ажа* (козел), т.к. *быж* это – «пряжка» [2, с. 69], *уэ* – «ударяя; лягая» (высоко поднятая нога козла), *кІэ* – «хвост» (первого хищника) – показатель орудийного (твор.) падежа. Очевидное описание *кьошын ицлагъым бгъуэ ору (уэру) зиубгъу* (широко стелящимися волнами по днищу сосуда) согласуется и связано с адыг.: *кьошын лъащІабгъуэ* – «крынка» [13, с. 334], букв. «кувшин/сосуд с расширяющимся днищем»; *ору* – «волнами». Сочетание *кьошыны пцэм, ди жын нэху нур* (на шейке кувшина, наш светлый джинн/дух) выводится из очевидного и созвучного описания *кьошыны пцэм дыжын нэху нур*... – «на шейке сосуда серебряный свет...» (серебряный орнамент – идеограмма под горловиной). Продолжение *пцІэ зиІэ пшэпс пшэкІухъу* (разливаясь в сиянии священного ореола) выводится по аналогии с шейной цепочкой хищников из пиктограммы *пшэпс* (шейная цепочка/тесма), опоясывающей основание «шейки сосуда» – *кхъуэщыным и пцэ* (Х. З. Гяургиев, Х. Х. Сукунов. 1991), имитируя «ореол» сияющего Тха (нимб, венец, светлый ободок) – *пшэкІухъу* [13, с. 455]. Как отмечает А. С. Кук, «установлено, что изучение мифических образов уда и джынэ имеет существенное значение в изучении мифологии и нартского эпоса адыгов», из которых белые, добрые джинны позитивно настроены к людям [19, с. 171]. О джиннах Тха, а также Тха-птиц (божества птиц) упоминает и А. Т. Шортанов [12, с. 138]. Этот термин в схожих названиях распространен у абаз.: *джьы́н* (миф. дух), абх.: *аджныш*, карачаево-балк.: *жинле*, осет.: *зин*, дарг.: *жинд*, лак.: *джин*, лезг.: *жин* и др. В контексте с ним уместен Тха в важной функции раздавать души (*псэ*) и ведать ими [17, с. 173] – *Псэтхъэ* (Бог души), трансформированный из солнечного культа (по М. Е. Талпа. 1936). «У адыгов почти каждая стихия природы имела своего духа», – замечает Л. И. Лавров [20, с. 200]. В арх. (домусульманские) времена джиннам поклонялись как духу бога-покровителя. В свете оккультных представлений с этим понятием соотносится адыго-хуррито-шумер.: *аза/азу* – «жрец-прорицатель, целитель, лекарь, колдун и т.п.» (Вильгельм Гернот. 1997) и хатто-адыг.: *иду/уды/уд* – «волхв, заклинатель маг, колдун, ведьма» [18, с. 122].

На перманентность, цикличность и направленность кругового движения в замкнутой окружности как по орбите, так и вокруг своей оси, указывают стрелки этой пиктограммы, которая рассматривалась «колосковым штампом», «елочным» орнаментом, символом воды. По структуре она идентична изображениям рек (*псы*) на сосудах № 1, и вместе с тесьмой/цепочкой (*псы*) вокруг шеи хищников и с понятием «душа» (*псэ*) у них один корень – *пс*; в составе отдельных слов *псы/пс* означает «свет, сияние», например, *къепсын/къопс* (светиться, светить, излучать свет, обычно о солнце), *тыгъэпсы* (солнечный свет).

Очевидно, что здесь речь идет о бесконечном круговороте Вселенского Тха, что отражено в продолжении: *дуней хъуреягъу кыкІухъу* (ходящего/путешествующего (циркулирующего) вселенским круговоротом). «Доминанта замкнутого круга в адыгском орнаменте свидетельствует об определенном типе миропонимания. Адыги относятся к народам с циклическим мировосприятием, что отражено в многочисленных пословицах: «Дунейр шэрхъщи мэкІэрахъуэ» (Мир – колесо, и он вертится),...», – отмечает Л. А. Асланова [11, с. 40]. Множество золотых колец кургана (38 шт.) и кромлех могут символизировать различные аспекты космогонии. (*Къа*)*блэуэ* (горящим/светящимся) выводится омонимом (в дополнение) из едва уловимого силуэта «атакующей, жалящей, кусающей змеи» (*блэ уэ*), раскрытая пасть которой (рис. 7) приходится на лапы восседающей на хищнике птицы. (Все взятые в скобки префиксы (*къа*, *къы*) имеют примерно такое же значение, как приставка «рас» к слову «светает»). Наряду с Х. Х. Яхтаниговым Б. Х. Бгажноков полагает, что «за счет различных комбинаций солнечного диска и змей построено при ближайшем рассмотрении подавляющее большинство черкесских тамг» [3, с. 10]. В связи с этим не исключено, что понятие *блэуэ* (змеями) в этих знаках считается омонимом «светящее», соотносимым с индийским «kas – «сверкать, сиять» или kasih – «солнце, свет, сияние» и с этнонимом кас-

ка/кашка/каскайцы, связываемым с почитанием луны [3, с. 7]. Тогда «главный (базовый) фамильный знак (герб) черкесских князей» с «солнечным диском вверху и двумя змеями внизу», отображающий содержание «геральдических символов египетских и переднеазиатских царей» и божеств, можно толковать как «солнечное и лунное сияние», а с однокоренными *блэгъгъэ* (родство), *цлэблэ* (поколение) – «солнечно-лунного происхождения (родства)», какими они себя и считали [3, с. 10]. Изначально кобра на диадеме головного убора др.-египетских божеств и фараонов с названием «урей» могла символизировать свет и луч небесного светила в адыг. названии *блэуэ* (змеей; светящаяся).

Рис. 7. Усматривается силуэт змеи с раскрытой пастью у лап птицы с большой округлой головой и клювом в форме полумесяца

Fig. 7. A silhouette of a snake with its mouth open at the paws of a bird with a large rounded head and a crescent-shaped beak is seen

С учетом того, что в подобных древних символах, где в крылья птицы вписан диск светила с парой лунных рожков и парой змей, имитирующих хвост или лапы (рис. 8), этноним *каш* с хатто-адыго-абхазских языков трактуется имплицитно как «сияющее солнечно-лунное орлиное родство», где хатт.: *ка* – «хищная птица» [18, с. 123] (возможно, воплощение солнечно-лунного тотемного начала), а формант *ш* – показатель родства [21, с. 17, 18].

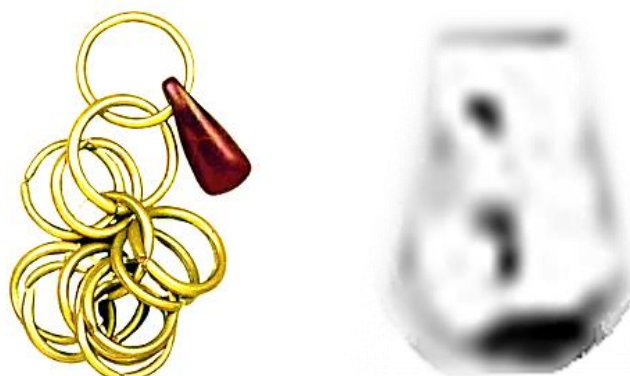
Рис. 8. Египетское небесное, крылатое светило с парой змей и рогов

Fig. 8. Egyptian celestial, winged luminary with a pair of snakes and horns

По некоторым сведениям, в Древнем Египте глаза ястреба олицетворяли Луну и Солнце. Понятия *тыгъэ/дыгъэ* – «солнце» и *мазэ* – «луна, полумесяц» (абх.: *амза* [15, с. 716], абаз.: *амзы/амыз/мзы*; санскрит: *mās*) отражены в синтезированном образе довольно крупной и округлой головы птицы (рис. 7) с точкой в центре, имитирующей глаз/солнце, а огромный клюв в форме полумесяца – луну (подобно клюву ибиса у др.-егип. бога Тота). Продолжение *пцлэ зыхуацл пшэпс ханапаклэ* (в почтенном, разливающегося светом образе/иконе/лице) выводится ранее упомянутым способом. *Каш-хабадзасэ* (касско-хабадзасском) – вероятностная арх. форма этнонимов *каш/кас* и *абадзех*, выводятся повторными прочтениями. *Каш* – из *къашыргъэ* (ястреб/коршун – образ Тха-птиц; абх.: *а-къа* – «крупная порода ястребов» [18, с. 123], авар.: *хъарчигъа*); из конфигурации клюва, соотносимой с хатт. *Каšku*

(*Каику*) – «бог Луны» (абх.: *а-кашра* – «сильно греть, сверкать (о солнце)» [7, с. 78]); адыг. син. креста – *къащ*, вписанного в хвостовое оперенье (рис. 3, 7). Н. Я. Марр считал, что архетип *кас* присутствует в названии *Кабарда* (Н. Я. Марр. 1922); осетинское *кашкон/касдон* означает «кабардинец»; сванское *кашаг* – «черкес» и т.п. Арх. этноним *хабадзаса* выводится соединением хатто-адыго-абх. понятий: *ха* (голова), *ба* (массивная) и *дзасэ* – адыг. букв. «зуб-нож» (оскал показан только у второго хищника). Трактовка этого этнонима двоякая: а) «массивно-длинно-головые», где *ха* – «голова»; *ба* – «много, массивно», *дзаса* – «заостренная, вытянутая», словарное *ихъэдзасэ* – «длинноголовый, с остро-конечным черепом», *ихъаб* – «большеголовый», *хъэбэ/хаба* и хатт.: *ha-bu* – «голова». Такое толкование согласуется с результатами краниологических исследований черепов майкопской культуры по А. А. Казарницкому [22, с. 152.] и соотносится с самоназванием хронологически сопоставимых шумеров – «sag-gig-ga» (черноголовые). Впоследствии меото-аланы, видимо, следуя традициям и преданиям, искусственно придавали вытянутую форму черепам с детства; б) *хабадзаса* может означать и «головное, многочисленное кинжальное войско», где *ха* – «голова»; *ба* – «много, масса»; *дза* – «зуб», «войско»; *са* – «нож». На это указывают «сильная военизация и высокое насыщение захоронений предметами военно-охотничьего снаряжения» (С. Н. Кореневский. 2001), включая колюще-режущее оружие.

Подвески в форме коренного зуба – *ба дзэ* (массивный, большой зуб) и в виде стилизованного изображения мухи – *бадзэ* (рис. 9) или мошкары – *хъэдзэбадзэ* в своих названиях составляют основу арх. этнонима *хабадзаса*. При этом не исключено, что *бадзэ* могла

Рис. 9. Подвеска в виде стилизованного изображения мошкары или мухи на кольцах (слева) и подвеска в форме коренного зуба (справа). Майкопская культура (курган Ошад). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Fig. 9. A pendant in the form of a stylized image of a midge or fly on rings (on the left) a pendant (on the right) in the shape of a molar. The Maikop culture (kurgan Oshad). The State Hermitage Museum. Saint-Petersburg

иметь арх. форму *хабадзэ*, где приставка *ха* (*хъэ*) выступает в роли артикля подобно букве *а* в абх. лексике. В адыг. словарях самый внушительный список составляют слова с префиксом *ха* (*хъэ*). На «логичную» связь майкопской культуры с «предками хаттов и касков-абешла» или адыго-абхазов указывает Л. С. Клейн (2007). Сочетание *лъэпкъ лъэпкъ* (самым дорогим в народе) выводится ранее упомянутым способом. В сочетании *бзэ псалъаж жаакIэ* (старинным в языке говоримым/ употребляемым словом), *бзэ* (язык) выводится омонимом из созвучного названия «птица» – *бзу/бзыу*, которая сидит на спине второго хищника; *псалъэж* (старинное/древнее слово) выводится ранее упомянутым способом, а *жаакIэ* (говоримым) образуется звуковым повтором (дублированием) формантов *ж* и *а* от *ажа* (козел) с присоединением *кIэ* – «хвост» (хищника), озвучивающего

суффикс – показатель твор. падежа. Краткая альтернатива – *псалъэжкIэ* (старинным словом). *Тха* (бог) – название ключевой пиктограммы в начале надписи и уместное в конце.

Семантика и орфография этого сложного предложения не нарушаются при перестановках, если начальную пиктограмму считать как *дыгъэ-мазэ* (солнечно-лунное) вместо *Тха* (Бог), а сидящую на спине птицу как *Тха* (Бог) вместо *дыгъэ-мазэ* (солнечно-лунное), аналогично и в первой версии (стр. 185).

Исключив все дополнения с пояснениями и оговорками сложного текста, лаконичный вариант в однозначных прочтениях пиктограмм и их фрагментов звучит так: *Тхаба лъапIащэ пшэпс цIу тхыпхэуэ, къыгъажэ дыгъэ-мазэ пшэпсу лъапIащэ псалъэж – Тха*. Перевод (в порядке адыг. слов): «Тха могучего, священного, разливающегося в свете блестящего узора/знака, отчеканено в солнечно-лунном разливающемся сиянии самое дорогое старинное слово – Тха».

Вариативные прочтения с разносторонними подходами и аргументацией подводят к одному семантическому ядру и языковой принадлежности надписи. Они реализуются благодаря профессиональным навыкам древних мастеров, сумевших отразить уникальные возможности языка в специфике пиктограмм. На лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях нарративы сосудов аутентично отражают адыгскую речь, которая встроена в пиктографические образы и беспрепятственно выводится из них. В частности, по общему правилу формируются хатто-адыгские падежи, а также форма прошедшего времени в текстах сосуда № 1 идентичная в кабардино-черкесском диалекте [23, с. 111].

Всю надпись можно представить одним цельным словом в виде цепочки, звенья (слова) которой перемещаются вокруг оси сосуда, в одном направлении с образами животных, птиц и стрелками венца, опоясывающего основание горловины, где слово Тха приходится на начало и на конец повествования.

Богу Тха посвящен и древнеадыгский ритуальный парный танец «удж» с обрядами репродуктивного характера, когда мужчины и женщины скрещивают руки или сплетают пальцы, передвигаясь по кругу. В обрядах, молениях и торжественных мероприятиях – *ТхалъэIу* – почитался важный атрибут традиционной религии адыгов – Т-образный крест, освещавший место религиозного культа бога Тха [2, с. 235], а также другие «джоры» (кресты), в т.ч. «шапсугский» с двумя развилками (З. Ж. Кудиева. 2008, Е. Б. Бесолова. 2023). Эти реалии перекликаются с традициями паломничества храмового комплекса Гёбекли-Тепе X–VIII тыс. до н.э., где Тха воплощают две Т-образные колонны в центре округлых святилищ [24, с. 53–64, 280–284]. Они, как считает М. И. Зильберман (2017, 2018), символизируют паритет между ипостасями единого бога, единство женского и мужского начала, «мать-отец» (один из концептов креста), включая эмблемы священного брака с элементами репродуктивного (фаллического) начала и плодovitости, а «движение» других колонн вокруг них, запечатленное в камне, – «ритуальный круговой танец» с вознесением моления к богу. По мнению ученого, теоним Тха в прошлом упоминался и в нахской мифологии.

В свете изложенного следует отметить, что прямой, диагональный и Т-образный кресты, которые были закреплены в протосинайском (консонантном), библском (слоговом), в др.-греческом (алфавитном) письменностях, в названиях *Ta*, *Ty*, *Tau*, *Txeta*, этимологически восходят к хатто-адыг. религиозным знакам, в т.ч. и к Т-образному символу в названии *Тхъэтиц/Тапиш*. Примечательно, что два графических отрезка (составляющие крестов) выражаются адыг. словами: *mIэy/mIo* (*tau/to*) – «дважды, два раза», *mIyauцIэ* (*tuаша*) – «двойной» и т.п. [24, с. 55–68, 281]. В свою очередь известно, что из словесно-слоговых систем выделились алфавитные буквы. Так, если в арх. символике знаки **Т** и **Х** порознь означали теоним *Тха*, то уже как буквы **Т** и **Ха** – слитно. «А» сегодня – первая буква алфа-

вита и была уже священной в др.-семитском названии «Алеф» (бык). Однако в более раннюю эпоху приоритетными символами были кресты в вариантах, глифах. Они обозначали главное сакральное слово – «Тха/Та» и одновременно первые знаки доисторических письмен, обусловив появление линейного письма, основанного на элементарном отрезке, и породив в огромном количестве и разнообразии родовые тамги (адыг.: *тамыгъэ/дамыгъэ*) [24, с. 49–52].

Храм Тхаба-Ерды (Ингушетия), датируемый VIII–IX вв. н.э. (рис. 10) и связываемый с христианством, возведен на руинах более древнего религиозного сооружения со множеством петроглифов в виде солнечно-лунной символики разнообразных крестов, в т.ч. репродуктивного (фаллического) содержания.

Рис. 10. Слева внутри храма Тхаба-Ерды (Ингушетия) постамент в виде полумесяца, на котором лежит каменный крест. Справа оконные проемы с разветвленным оформлением колонны; сбоку на камне вырезан Тау-символ

Fig. 10. On the left, inside the temple of Thaba-Yerdy (Ingushetia), there is a crescent-shaped pedestal on which lies a stone cross. On the right are window openings with a branched column design; The Tau symbol is carved on the side of the stone

Таким образом, ключевая пиктограмма в нижней части сосуда символизирует бога Тха сферическим сегментом шарообразной Вселенной, из центра которой крестом расходятся лучи и световые волны. Очевидно, что по степени и интенсивности освещения, как источник тепла, благодатности и плодотворности на первом плане центральным объектом поклонения из всех светил выступало солнце, что предположило концепцию и этап солнцепоклонничества. Идея солнцепоклонничества возобладала в силу доминирования солнца, затмив, поглотив и вобрав в себя культы других небесных светил, включая луну. Эти реалии находят отражение и в экспозиции предметов кургана Ошад, где со значительным перевесом преобладают золотые штампованные фигурки львов (68 шт.) над серебряными фигурками быков (19 шт.); при этом в мифологии Древнего мира и адыгов золотой цвет соотносится с солнцем, а серебряный – с луной. Верхнюю же часть сосуда опоясывает пиктограмма, отражающая динамику бесконечно циклического движения всемогущего, си-

яющего ореолом Тха – источника света и бытия как в основании, так и на вершине, как в малом, так и в великом. В представлениях адыгов «Тха вездесущ», он «везде и во всем», он «не имеет ни начала, ни конца», он «начало всех начал» – подчеркивает А.Т. Шортанов [12, с. 21]. Вне сомнения, круг с крестом в ряде артефактов меотской и кобано-колхидской культур традиционно символизировал бога Тха.

Наряду с фамилиями и именами на «хат» самый внушительный список составляют адыг. антропонимы на «Тха»: *Тхагъэлыдж*, *Тхабысым*, *Тхагъэпсэу/Тхагъэпсо*, *Тхагъэн*, *Тхагъу*, *Тхагъуиш*, *Тхадж*, *Тхазэл*, *Тхазэпл*, *Тхаицъыф*, *Тхайишгау*, *Тхакъуахъуэ*, *Тхаклумаиц*, *Тхаклумэжъ*, *Тхагъэпс*, *Тхагупс*, *Тхазэ-кълужъ*, *Тхазэплъыж*, *Тхазыфэшлы*, *Тхаркьо*, *Тхаигъуэт*, *Тхалыиш* и многие др. В большом разнообразии и адыго-абх. фамилии на *Каи/Кас*, *Аб/Абаз/Ба*.

Глоттохронологическими сопоставлениями в данной дешифровке выявлены хатто-адыго-абхазские слова, восходящие по меньшей мере к IV–II тыс. до н.э., в значительном числе аналогичные в хаттском (в т.ч. установленные билингвами А.П. Тихоновой) и других языках древности: *Тха/Та* (бог), *цха/ха/ хъа/ах* (голова, глава, божество), *хаба/ha-bi* (голова), *на/на* (глаз), *на/ре* (нос), *напа/пара* (лицо, фасад), *мазэ/амза/мзы/тāс* (луна, полумесяц), *нэху/нэфы* (свет), *ажэ* (козел), *бэ(ба)/ба* (обильно, много, масса и т.п.), *псалъ/псалъэ* (слово, речь), *бзу/бзы/зу* (птица), *тет/tet* (стоять на чем-л.), *Каški* (*Каику*) – «бог луны», *ка/а-къа* – «хищная птица»/«крупная порода ястребов», *а-кашра* (сильно греть, сверкать), адыго-шум. *нур/ниги* – «свет» и др. Многие слова и их составные элементы идентичны в обоих сосудах и выводятся одинаковыми способами, что является одним из критериев их достоверности и авторства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения современного литературоведения и языкознания надписи предстают полноценными текстами и поддаются рифмовке в традициях адыгского поэтико-фольклорного жанра (Л. Б. Хавжокова. 2023). Очевидно, хатто-адыгский язык был достаточно развитым и распространенным в Древнем мире. Примечательно, что и множество клинописных текстов ближневосточных цивилизаций III–I тыс. до н.э. дешифровано с адыгского языка Т. М. Шомаховой и Х. М. Пхитиковым (Хатты в древних языках и культурах. 2015). Согласно современным научным данным, на индоевропейские, семитские, тюркские и др. этносы и их лексику оказал влияние хатто-хурритский (протокавказский) лингвистический, антропологический и палеогенетический субстрат.

По всей видимости, главное, сакральное слово, которое произнес древний предок, когда едва выделился из дикой, агрессивной природы и возвысился над миром фауны и флоры, как человек разумный, мыслящее создание с первыми задатками духовно-философских воззрений первобытного религиозного сознания, это было – *Тха/Та* [24, с. 60, 61]. Предковая цивилизация предопределила символику (крест, полумесяц и др.), основные сакральные архетипические концепты и воззрения в священных писаниях, культовых действиях и обрядах, в сознании глобальной религиозной мысли и морали различных конфессий последующих эпох. Примечательно, что и книга Священного Писания, сборник молитв в названии *Псалтырь* (адаптированного в греч. языке) переводится с адыг. языка букв.: «речь, слово, душу дающий, содержащий», где *пса* – «душа», *псалъ* – «слово, речь», *тыр* – «дающий», *итыр* – «содержащий». В истории человечества, в его поступательном развитии культ Тха сыграл поистине созидательную и консолидирующую роль на огромных просторах Ойкумены. В этом аспекте представляется, что уже в глубокой древности спонтанно складывались предпосылки и перспектива «устойчивого развития» глобальных интеграционных процессов грядущего мироустройства (П. М. Иванов. 2024). В наши дни, с высот научных знаний, адыги – носители того же языка древних культов и догм –

расценивают уже как стихийные явления природы все то, что в анимистических представлениях и в архаичной теологии их предков во главе с верховным божеством Тха считалось одухотворенным. Однако и сегодня они в честь Тха и от его имени продолжают совершать ритуалы, обряды и празднества с молениями и прошениями – *Тхьэлъэлу/Тхьатлеу* и воздают гимном *хьохъу* (хох) благопожелания, здравицы и тосты с обращением к богу Тха.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. В двух серебряных сосудах кургана Ошад выстраивается не простая череда и набор рисунков, а основанное на пиктографии, глубоко осмысленное и продуманное, в соответствующей технике исполнения, письмо. Об этом свидетельствует и отсутствие образа собаки – древнейшего и неизменного спутника человечества; он был не востребова и не уместен в освещении святыни из-за двойственного отношения издревле к самому этому понятию, альтернативу которому составили крупные птицы и хищники, считавшиеся священными. Хотя собака имела культовое значение, Л. И. Лавров не допускает, что она у адыгов была «своего рода тотемом» [20, с. 205]. Кроме того, повторение в одной веренице одних и тех же видов хищников и травоядных, особенности их взаиморасположения, передача образов нетривиальными конфигурациями, демонстрация приподнятой у всех животных только правой ноги и т.п. в корне развеивают представления о том, что это рядовая ландшафтная композиция или пейзаж.

2. В эпоху, которую традиционно (условно) принято называть солнцепоклонничеством, в мифологических воззрениях древних переплетаются солярно-лунные мотивы: солнце и луна почитались, как световая составляющая Бога. (Для сравнения: понятие «мореходство» подразумевает не только плавание по морям, но и по океанам). Значительно более древние петроглифы Т-образных колонн Гёбекли-Тепе изображают парные объекты, в т.ч. солнце и луну (рис. 5), отражающие представления о дуальной природе бытия, мира [24, с. 332].

3. Надпись сосуда № 2 переводится с адыгского языка. Она всецело посвящена феномену бога Тха солнечного/солнечно-лунного сияния. В религиозном контексте мифологии адыгов, со слов А. Т. Шортанова, «солнце, луна и небо – творение Тха, но и сами они выступают божествами...» [12, с. 25].

4. Современная нумерация сосудов условна. В приоритете у древних мог быть сосуд № 2, где в рамках одного предложения с особым пиететом освещается сакральный образ Тха, будучи одновременно наглядным образцом, проясняющим и предписывающим способы, облегчающие считывание сообщений, заложенных авторами в более сложных полисемантических текстах сосуда № 1.

5. Письмо обоих сосудов не принадлежит к какой-то определенной из известных систем; оно носит синкретический, нерасчлененный характер завершающей стадии рисуночного письма, предвзя в зачаточном состоянии логосиллабическое, идеографическое и алфавитное письмо.

В тематическом аспекте результаты исследования надписей сосудов реминисцентно перекликаются с положениями и выводами ряда социальных и гуманитарных научных дисциплин, а также с мифологией и фольклором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пиотровский Ю. Ю.* Заметки о сосудах с изображениями из Майкопского кургана (Ошад) // Памятники древнего и средневекового искусства. Сб. статей в память проф. В. И. Равдоникаса. Проблемы археологии. 1994. Вып. 3. СПб: СПбГУ. С. 85–92.

2. *Вороков А. К.* К интерпретации надписей сосуда № 1 из кургана Ошад майкопской культуры // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2024. Т. 26. № 5. С. 230–250. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-5-230-250
3. *Бгажноков Б. Х.* Самоидентификация черкесских князей и их место в системе геральдических символов Евразии // Вестник КБИГИ. 2019. № 2(41). С. 7–12. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-7-12
4. *Шазо А. М.* Глава нарттов Орзмэдж и бог Древнего Египта Осирис как корреляты // Вестник АГУ. Серия 1: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. Вып. 2(299). С. 88–100. DOI: 10.53598/2410-3691-2022-2-299-88-100
5. *Сивер А. В.* Вопросы раннего этногенеза адыгов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 246–250. EDN: SYZJCV
6. *Лавров Л. И.* О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик: Кабполиграфиздат, 1954. Вып. III. С. 193–207.
7. *Тихонова А. П.* Теонимия хаттского языка: сравнительно-исторический и типологический аспекты // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2014. Вып. 4(149). С. 74–79. EDN: TNJKWV
8. *Марр Н. Я.* О языке и истории абхазов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 439 с.
9. *Турчанинов Г. Ф.* Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. М., 1999. 263 с.
10. *Истрин В. А.* Развитие письма. М.: Издательство Академии наук, СССР, 1961. 395 с.
11. *Асланова Л. А.* Истоки культовой символики в традиционном орнаментальном искусстве адыгов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3. С. 38–42. EDN: KVXQVX
12. *Шортанов А. Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус. 1982. 194 с.
13. Большой русско-кабардино-черкесский словарь. Сост.: Б. Ч. Бижоев, Х. Ч. Желетежев, Д. М. Кумыкова, Х. Т. Тимижев. Нальчик: Фрегат, 2021. 792 с.
14. *Шаов Ж. А., Меретуков К. Х., Водождоков Х. Д. и др.* Адыгейско-русский словарь. Адыгейск; Майкоп, 1975. 440 с.
15. *Касландзи В. А., Джонуа Б. Г.* Памяти славного сына Кабарды и верного друга Апсны Султана Сосналиева посвящаем. Русско-абхазский словарь. В трех томах. Том первый. А–М / Сухум: Дом печати, 2016. 800 с.
16. *БиццIo Б. Ч.* Адыгэбзэм и псалъэгъэнахуэ. Налшык: Эльбрус, 2015. 376 с.
17. *Чамокова С. Т.* Трансформация религиозных взглядов адыгов на примере основных адыгских космогонических божеств // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. Вып. 3. С. 48–53. EDN: VAUJOZ
18. *Тихонова А. П.* Хаттско-абхазо-адыгские лексические параллели: история и современность // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2017. Вып. 2(197). С. 119–125. EDN: ZEVMST
19. *Куёк А. С.* Мифические образы уда и джынэ в адыгском нартском эпосе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2015. Вып. 2(153). С. 171–176. EDN: UDULJL
20. *Лавров Л. И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев: монография. 1959. С. 193–236.
21. *Бгажноков Б. Х.* Кассито-хатто-каскайские историко-культурные и лексические параллели // Вестник КБИГИ. 2019. № 3(42). С. 15–22. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-15-22
22. *Казарницкий А. А.* Краниология населения майкопской культуры: «новые» старые материалы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1(41). С. 148–155. EDN: LBDKIB

23. Тихонова А. П. Времена и наклонения в хаттском и абхазо-адыгских языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. Выпуск 1(192). С. 108–114. EDN: YPCHSJ
24. Вороков А. К. Феномен Тха. Нальчик: Принт-Центр, 2020. 388 с.

REFERENCES

1. Piotrovsky Yu.Yu. Notes on vessels with images from Maikops kurgan (Osh). *Monuments of ancient and medieval art. Collection of articles in memory of Prof. V.I. Ravdonikas. Problems of Archeology*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 1994. Vol. 3. Pp. 85–92. (In Russian)
2. Vorokov A.K. On the interpretation of inscriptions of vessel No. 1 from the Oshad mound of the Maikop culture. *News of the Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2024. Vol. 26. No. 5. Pp. 230–250. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-5-230-250. (In Russian)
3. Bgazhnokov B.Kh. Self-identification of Circassian princes and their place in the system of heraldic symbols of Eurasia. *Bulletin of KBIGI*. 2019. No. 2(41). Pp. 7–12. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-7-12. (In Russian)
4. Shazo A.M. The head of the narts Orzamedj and the god of Ancient Egypt Osiris as correlates. *Bulletin of the Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology*. 2022. No. 2(299). Pp. 88–100. DOI: 10.53598/2410-3691-2022-2-299-88-100. (In Russian)
5. Siver A.V. Issues of early ethnogenesis of the Adygs. Theory and practice of social development. Krasnodar. 2014. No. 16. Pp. 246–250. EDN: SYZJCV. (In Russian)
6. Lavrov L.I. On the origin of the peoples of the North-Western Caucasus. *Collection of articles on the history of Kabarda*. Nalchik: Kabpoligrafizdat, 1954. No. III. Pp. 193–207. (In Russian)
7. Tikhonova A.P. The Theonymy of the Khatt language: comparative historical and typological aspects. *Bulletin of Adyghe State University, Ser.: "Philology and Art Criticisms"*. 2014. No. 4(149). 2014. Pp. 74–79. EDN: TNJKWV. (In Russian)
8. Marr N.Ya. On the language and history of the Abkhazians. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1938. 439 p.
9. Turchaninov G.F. Discovery and deciphering of the most ancient writing of the Caucasus. Moscow, 1999. 263 p. (In Russian)
10. Istrin V.A. Development of writing. Moscow: Academy Publishing House Sciences, USSR, 1961. 395 p. (In Russian)
11. Aslanova L.A. The origins of cult symbolism in the traditional ornamental art of the Adygs. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*. 2009. No. 3. Pp. 38–42. EDN: K VXQVX. (In Russian)
12. Shortanov A.T. Adyghe mythology. Nalchik: Elbrus, 1982. 194 p. (In Russian)
13. The Great Russian-Kabardino-Circassian Dictionary. Comp.: B.Ch. Bizhiov, H.Ch. Zheletezhev, D.M. Kumykova, H.T. Timizhev. Nalchik: Frigate, 2021. 792 p. (In Russian, Kabard., Circassian)
14. Shaov Zh.A., Meretukov K.Kh., Vodozhokov Kh.D., Tharkakho Yu.A. et al. The Adyghe-Russian dictionary. Adygheisk Research Institute. Maikop. 1975. 440 p. (In Russian, Adyg.)
15. Kaslandzi V.A., Jonua B.G. We dedicate Sultan Sosnaliev to the memory of the glorious son of Kabarda and a faithful friend of Apsna. Russian-Abkhazdictionary. In 3 volumes. Vol. 1. A–M /Sukhum: House of Printing, 2016. 800 p. (In Russian, Abkhaz.)
16. Bischio B.C. Adygebzem and psalegenahue. Nalshyk: Elbrus, 2015. 376 p. (Kabard.)

17. Chamokova S.T. Transformation of the religious views of the Adygs on the example of the main Adyghe cosmogonic deities. *Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2015. No. 3. Pp. 48–53. EDN: VAUJOZ. (In Russian)
18. Tikhonova A.P. Khatt-Abkhaz-Adyghe lexical parallels: history and modernity. *Bulletin of Adyghe State University, Ser.: "Philology and Art Criticisms"*. 2017. No. 2(197). Pp. 119–125. EDN: ZEVMST. (In Russian)
19. Kuek A.S. Mythical images of uda and djerne in the Adyghe Nart epic. *Bulletin of Adyghe State University, Ser.: "Philology and Art Criticisms"*. 2015. No. 2(153). Pp. 171–176. EDN: UDULJL. (In Russian)
20. Lavrov L.I. Pre-Islamic beliefs of the Adyghe and Kabardians: monograph. 1959. Pp. 193–236. (In Russian)
21. Bgazhnokov B.Kh. Cassette-khato-kaskey historical, cultural and lexical parallels. *Bulletin of KBIGI*. 2019. No. 3(42). Pp. 15–22. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-15-22. (In Russian)
22. Kazarnitsky A.A. Craniology of the population of the Maikop culture: "New" old materials. *Arkheologiya, Etnografiya i Antropologiya Evrazii*. 2010. No. 1(41). Pp. 148–155. EDN: LBDKIB. (In Russian)
23. Tikhonova A.P. Tenses and moods in the Khatt and Abkhaz-Adyghe languages. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism*. 2017. No. 1(192). Pp. 108–114. EDN: YPCHCJ. (In Russian)
24. Vorokov A.K. The phenomenon of Tha. Nalchik: Print Center, 2020. 388 p. (In Russian)

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.

Funding. The study was performed with no external funding.

Информация об авторе

Вороков Анзор Кушумзукович, мл. науч. сотр. лаборатории «Цифровая палеография» научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии», Кабардино-Балкарский научный центр РАН;
360010, Россия, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2;
legatto777@yandex.ru, ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-9087-5665>, SPIN-код: 5021-3219

Information about the author

Anzor K. Vorokov, Junior Researcher of the laboratory "Digital paleography" of the scientific and innovative center "Natural scientific methods in archeology, anthropology and archeography" of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;
360010, Russia, Nalchik, 2 Balkarov street;
legatto777@yandex.ru, ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-9087-5665>, SPIN-code: 5021-3219